(Это относится, конечно, не только к песенному стиху, но и к былинному, который прежде всего имел в виду Трубецкой. Видимо, следует полагать, что после падения еров эпический стих так же быстро восстановил с помощью восполнительных частиц свой 5-стопный хорей с дактилическим окончанием, а потом этот расширительный процесс — по инерции? — продолжался и дальше, пока не дал тот предельно расшатанный многосложный стих, образцы которого мы видим в XIX в. у Щеголенка, а в XX в. в печорских записях. Здесь, по-видимому, влияние протяжной песни отсутствовало, потому что такой же развал эпического стиха, и даже больший, мы видим в украинских думах, а в западнославянской народной поэзии эпический стих разрушился до полного исчезновения.)

Так уточняется картина эволюции народного русского стиха. Перед нами проходят следующие стадии: 1) силлаботонизация общеславянского силлабического стиха; 2) быстро минувшая тонизация этой силлаботоники в результате падения еров; 3) реставрация силлаботоники — прочная в песенных размерах, мимолетная в эпических; 4) новая частичная тонизация этой силлаботоники, переход от 4-стопного хорея и 5-сложника к 2-иктному тоническому стиху; 5) «безразмерный стих» протяжных песен. Впрочем, Бейли как бы сомневается в стадии (2) и не включает ее в свою итоговую схему на с. 235. Зато стадии (3) и (4), главный предмет его исследования, описаны им с такой подробностью, что теперь его книга надолго будет исходным плацдармом для дальнейших разработок в области русского народного стиха.

Основные направления этих дальнейших разработок намечает сам автор в заключительных главах. Во-первых, это сопоставление русских песенных размеров с песенными размерами других славянских языков. Главной работой на эту тему до сих пор остается исследование Ф. Колессы 1906—1907 гг.; с тех пор накопилось достаточно материала, чтобы сделать следующий шаг. Дж. Бейли хорошо знает этот материал, но воздерживается от его анализа: для этого потребовалась бы другая книга. Во-вторых, это связь между словесным и музыкальным ритмом песенных размеров. До сих пор словесники и музыковеды, изучавшие народный стих, больше мешали, чем помогали друг другу, с готовностью переваливая друг на друга свою общую задачу. Дж. Бейли имеет хорошую музыковедческую подготовку, он отлично понимает, что эти два аспекта народного стиха теснейше связаны между собой; но он твердо говорит, что сначала они должны быть изучены порознь, и тщательно избегает выходить за рамки словесного ритма. Исследование напевов, работа с нотными, фонографическими и магнитофонными записями — это отдельная тема. В-третьих же, это целый ряд меньших саморазумеющихся тем: географическое распространение размеров, связь между местными диалектами и песенным языком, литературные имитации народных размеров и т. д.

Мы знаем: изучение русского народного стиха издавна сосредоточивалось на эпическом, былинном стихе: он казался «престижнее», по ироническому замечанию Бейли. Сейчас мы видим, как в результате одной монографии изучение лирического, песенного стиха одним рывком ушло далеко вперед. Такие сдвиги обычно бывают очень плодотворны в развитии науки. Будем надеяться, что результаты этого толчка не замедлят.

М. Л. Гаспаров